С.В. Думин. Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618 – 1654 гг. (по материалам Литовской метрики). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., кафедра истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, 1980[45].

Глава II. Сельское хозяйство и землевладение

§ 3. Земельные пожалования при Сигизмунде III

Одной из главных целей политики Речи Посполитой на востоке был захват новых земель, что должно было, в частности, помочь решить проблему устройства обезземеленной шляхты. Как отмечает Б.Н. Флоря, господствующий класс Речи Посполитой стремился превратить русские земли «в объект для польско–литовской феодальной колонизации»[46]. Заключение Деулинского перемирия было признанием краха политики подчинения Русского государства. Но переход под власть Речи Посполитой некоторых русских территорий дал ее правительству довольно значительный фонд земель. Уже на сейме 1611 г., через несколько месяцев после захвата Смоленска войсками Сигизмунда Ш, проявился конфликт между шляхтой «Короны» и Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), по–разному представлявших себе дальнейшую судьбу захваченных земель. Различия во взглядах коронной и литовской[47] шляхты проявились в инструкциях поветовых сеймиков депутатам этого сейма. Так, один из коронных сеймиков требовал, чтобы земли Северщины были розданы шляхте; местные русские феодалы, за исключением тех, кто сохранил верность коро-

[45] Диссертация была защищена в Совете по всеобщей истории и историографии всеобщей истории МГУ им. Ломоносова 4 ноября 1981 г. В данной публикации опущены имеющиеся в диссертации таблицы, но основные статистические данные, полученные автором, как и в оригинале, приведены в тексте.

[46] Флоря Б.Н. Русско–польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 289.

[47] Здесь и далее так именуется вся шляхта ВКЛ.

ню, должны были лишиться своих имений. Литовская шляхта (например сеймики Минского и Ошмянского поветов) выступала за включение всей захваченной территории в состав ВКЛ и сохранение прав старых владельцев[48], т.е. очевидно не только местных русских феодалов, но и литовской шляхты, владевших землей на этой территории до начала XVI в. Решение сейма 1613 г. о создании Смоленского воеводства в составе ВКЛ[49] было, несомненно, успехом литовских феодалов, а их коронные собратья должны были довольствоваться южной частью Северской земли.

Уже в 1610 г. Сигизмунд III, действуя от имени королевича Владислава, выдавал русским дворянам грамоты на вотчины и поместья на территории Русского государства. В последующие годы в России эти акты не имели силы и не признавались законными[50]. Возникает вопрос лишь о судьбе пожалований короля 1610–1612 гг., осуществленных на землях, в 1618 г. оставшихся за Речью Посполитой.

В ряде случаев русские дворяне, оставшиеся на королевской службе, сохранили земли, которыми владели по грамотам 1610–1612 гг. Так, дети боярские Рыковы по привилею 1625 г.[51] сохранили поместье, оставленное им грамотой 1610 г.[52] Бывший дьяк Василий Осипович Янов по привилею 1621 г. был утвержден во владении деревнями, пожалованными ему еще в Москве от имени королевича Владислава[53]. Бояре Салтыковы (в ВКЛ они именуются Солтыковыми, позже Солтыками) сохранили свои обширные вотчины в Дорогобужском уезде и получили дополнительные пожалования[54] в 1621 г. кн. Юрий Никитич Трубецкой получил в вотчину половину Трубчевска и Трубчевского уезда, принадлежавшую

---

[48] Maciszewski J. Polska a Moskwa. 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 228–230.

[49] Volumina legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. pijarów, w Warszawie od roku 1732 do roku 1782, wydanego. Petersburg, 1859. T. III. S. 95–97.

[50] Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Русском государстве при царе Владиславе. М., 1911. С. XXXI.

[51] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 101. Л. 102.

[52] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и издаваемые Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. IV С. 349.

[53] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 97. Л. 267–267 об.

[54] Там же. Л. 22 об.–24, 43 об.–44 об.

его отцу, а затем (в вечное ленное владение) и вторую половину города и уезда[55]. Другие русские дворяне чаще всего получали взамен утраченных имений в России или переданных другим лицам поместий в Смоленском воеводстве новые земли. На пожалование могли рассчитывать и дворяне, ранее не владевшие имениями на этой территории, но вознаграждаемые за переход на королевскую службу. Они королевских грамот на эти земли, изданных до 1618 г., не имели. Для остальных наличие королевской грамоты 1610–1612 гг. было желательно, но не обязательно. Видимо, и в Речи Посполитой эти документы не имели полной правовой силы. Дело в том, что грамоты 1610–1612 гг. исходили из русского поместного права, причем, как свидетельствует грамота Сигизмунда III дворянину Илье Еремеевичу Лыкошину 1612 г. на поместья в Дорогобужском уезде, часто они давалась только «до воли и ласки» короля[56]. Характерно, что Лыкошин в 1621 г. был утвержден в вечном ленном владении только деревнями в Смоленском уезде[57], закрепленными за ним королевской грамотой 1610 г.[58], а земли в Дорогобужском уезде не сохранил[59]. Т.е. раздача поместий русским дворянам в 1610–1612 гг. носила скорее предварительный характер, и при регуляции поземельных отношений на территории, оставшейся за Речью Посполитой, учитывалась, но не считалась окончательно оформленной. Это было связано с выработкой королевским правительством новой формулы раздачи имений на исследуемой территории.

Почти сразу после заключения перемирия королевское правительство приступило к раздаче оказавшихся в его руках земель, что декларировала еще конституция 1613 г. (До

[55] Там же. Л. 40–40 об., 49 об.–50.

[56] Лыкошин Д.И. О роде Лыкошиных // Смоленская старина. Смоленск, 1914. Вып. III. Ч. I. С. 159–160.

[57] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 97. Л. 14–14 об.

[58] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и издаваемые Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. IV. С. 338.

[59] Не упомянуты ни в привилее короля Владислава IV, подтверждавшем имения за сыном Б. Лыкошина [РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 97. Л. 14–14 об.], ни среди имений Лыкошиных, перечисленных в налоговых реестрах (книге подымного сбора 1650 г. [РГАДА. Ф. 145. Оп.1. Кн. 1. Л. 24 об.].

1618 г. никаких сведений о раздаче имений шляхте на этой территории не имеется). Их учет и распределение были одной из основных задач комиссаров, назначенных королем и прибывших в Смоленск в 1619 г. В инструкции, составленной для них[60], король распорядился часть земель воеводства отвести на столовые (личные) имения королевича Владислава; доходы с них предоставлялась в его распоряжение. В ту же категорию земель включались имения, доходы с которых должны были употребляться на нужды замков, жалование гарнизонам, содержание воевод, старост и других чиновников. Вторая часть земли предназначалась католической и униатской церкви.

Третья, и как указывал король, меньшая часть земли, вотчины и поместья, ранее принадлежавшие русским дворянам, должна была также быть учтена и затем роздана шляхте, отличившейся в войне с Россией, а также русским, оставшимся на королевской службе. Вяземские помещики, после перемирия ушедшие в Дорогобуж, должны были получить имения того же размера, что и оставленные ими в России. Но рекомендовалось выделять им земли как можно дальше от новой границы с Русским государством. Кроме того, земли, огороды и участки в замках должны были получить пушкари, стрельцы и казаки. Следовало выделить и земли для фольварков и огородов городу Смоленску. Если кто–то предъявлял претензии на имения, которыми владели в воеводстве его предки, комиссарам поручалось выяснить справедливость притязаний, но окончательное решение оставалось за королем. Все пожалования, сделанные комиссарами, требовали оформления королевским привилием, т.е. формально – санкции короля.

В привилеях, подтверждавших комиссарские листы на имения в Смоленском воеводстве, неизменно присутствует общая формула пожалования. Типичный пример – привилей 23.12.1620 г. сыну боярскому П.В. Микулину на три деревни в Смоленском уезде, ранее принадлежавшие И. Уварову[61]. Имение жалуется ему, его жене и потомкам мужского

[60] Библиотека Польской академии наук. Филиал в Курнике. Отдел рукописей. № 326. Л. 181.

[61] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 97. Л. 1–1 об.

пола в вечное ленное владение «яко добра шляхетские под правом и вольностью шляхетской». Пожалованный может отчуждать (обменивать, отдавать в залог, дарить, продавать) полученные земли, но только после получения специального королевского разрешения – консенса. Для «обороны и беспеченства» замка, где дано имение, его владелец обязан построить дом на выделенном в этом городе участке и жить там лично или держать вооруженного челядника на случай внезапного нападения. Во время войны вдалелец имения «повинен будет конно албо пешо, яко потреба укажет, для обороны в замку зоставати с таков личбою челеди, яко их мети будет могл». Если он не сможет явиться лично, то обязан выставить на свое место другого шляхтича. В данном привилее и в части остальных владельцу вменяется в обязанность держать в крепости на своем дворе запас продовольствия на полгода на случай осады.

Формула пожалования, разработанная при Сигизмунде III, использовалась и при его преемниках вплоть до 1654 г. Неизменны оставались ее основные элементы: вечное ленное владение с наследованием только по мужской линии, участие (лично или через заместителя) в обороне замка в случае войны. Примерно с середины 20-х гг. XVII в. из большинства привилеев исчезает упоминание о выделении участка в городе для постройки дома и, соответственно, требование держать там челядника (по–видимому, число участков было ограничененным). Кроме того, требование построить в замке дом и держать там челядника было довольно обременительно для лиц, получивших небольшие имения. Видимо, не случайно с конца 20-х гг. эти участки выделяются в основном лицам, получившим 50 и более волок земли.

Есть основания полагать, что земли, жалумые в Смоленском воеводстве на ленном праве, меньше интересовали шляхту, чем пожалования в других районах Речи Посполитой. Желающих принять ленное имение в пограничном районе, где постоянно существовала военная опасность, было сначала не так уж много, Иначе трудно объяснить появление 27 марта 1626 г. королевского универсала, призы-

павшего шляхту, способную нести военную службу, переселиться в Смоленское воеводство, где им были обещаны имения на тех же условиях[62]. Этот документ цитировался выше, и приводилась фраза, свидетельствующая о наличии в воеводстве большого числа пустующих земель[63]. Видимо, универсал был рассчитан прежде всего на мелкую и безземельную шляхту. Как следует из привилеев Владислава IV лицам, в соответствии с этим универсалом получившим от комиссаров земли после 1626 г., размеры выделяемых им имений были невелики – обычно от 6 до 8 волок на человека. Такое имение, отягощенное повинностями, вряд ли могло заинтересовать «оседлого» шляхтича, если учесть, что после его получения он должен был переселиться в Смоленское воеводство или держать там заместителя.

Владение землей на ленном праве ограничивало право собственности. Привилеи предусматривали возможность конфискаций имений в случае неисполнения условий пожалования, ограничивали право распоряжаться полученной землей, фиксировали королевскую монополию на производство «лесных товаров» – золы, поташа, клепки, ванчоса[64] и добычу селитры. Другие формы владения землей у светских феодалов воеводства были редкостью. Лишь как исключение можно отметить сохранение вотчинных прав некоторых русских феодалов (Солтыковы, Трубецкие), и приобретение их Александром Корвин–Гонсевским по конституции 1631 г.[65] Эти вотчинники могли свободно отчуждать свои имения, а правом наследования пользовалось потомство обоего пола; обязанность военной службы, тем не менее, сохранялась.

Таким образом, первоначально позиции короля в воеводстве были видимо сильнее, чем в других районах Речи Посполитой. Господство ленного землевладения теоретически

[62] Там же. Ед. хр. 108. Л. 589 об.–590.

[63] Универсал это цитируется в § 1 той же главы («Состояние сельского хозяйства воеводства в 1716–1654 гг.»): «земли Смоленского воеводства, обширные и пригодные для использования, из-за отсутствия людей и хозяйств дичают, пустеют и зарастают лесом» [Там же. Л. 589 об.]

[64] Ванчос – деревянный окантованный брус.

[65] Volumina legum. T. III. S. 326.

создавало для короля возможность оказывать влияние на местных феодалов, укрепить их зависимость от центральной власти. Наличие в его руках значительного фонда земель позволяло поощрять своих сторонников и приближенных. Но одной из главных, если не основной, задачей пожалований при Сигизгмунде III было усиление обороноспособности захваченной территории. В случае войны с Россией воеводство должно было собственными силами обеспечить оборону местных замков по крайней мере до прихода регулярных королевских войск.

Ту же цель преследовали пожалования военнослужилым людям – пушкарям, казакам, литовским татарам и некоторым другим, предпринятые в 20–е гг. XVII в.

16 марта 1621 г. Сигизмунд III утвердил за смоленскими казаками выделенные им на три хоругви общей численностью в 300 коней 1200 волок земли (по 4 волоки на коня). Во главе каждой хоругви стоял ротмистр. Казаки могли получать двойные наделы (8 волок) и выставлять с них два коня. Как и шляхте, казакам выделялись участки в замках и огороды за городскими стенами. Полученные наделы могли отчуждаться только с разрешения короля или коменданта замка, которому непосредственно подчинялись хоругви, и только лицам, способным исполнять ту же службу. Надел передавался по наследству, и потомки пожалованного должны были исполнять те же повинности: служить казацкую службу, по очереди нести стражу на стенах замка, во время войны участвовать в обороне. В период военных действий казакам должно было выплачиваться жалованье, в остальное время они исполняли службу за пожалованную землю. Казакам разрешалось строить мельницы, держать корчмы и шинки. Они судились в гродских (замковых) судах по Литовскому статуту. Отлучаться из города казаки могли только с ведома своего ротмистра, но последний не мог этого запрещать без особых причин[66].

Выше упоминались пожалования земель отрядам казаков в Дорогобуже, Белой, Рославле, Стародубе, Мглине,

[66] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 97. Л. 283–185 об.

Почепе и Трубчевске[67]. В 1625 г. казаки были пожалованы землей также в Невеле (на 50 коней) и Себеже (на 30 коней)[68]. Во всех замках величина надела на одного коня была 4 волоки и только в Невеле из–за плохого качества тамошних земель была повышена до 6 волок. Землю (не измеренную на волоки) получали и упоминавшиеся выше в числе землевладельцев Серпейского уезда казаки Серпейского замка, но их хоругвь, видимо, была вскоре расформирована (см. ниже).

12 мая 1625 г. при Дорогобужском замке было пожаловано также 500 волок (по 5 волок на коня) на 100 коней отряду литовских татар[69].

9 марта 1626 г. землю получили смоленские пушкари. 12 пушкарям было назначено по 8 волок, а их 18 помощникам - по 6 волок, всего 198 волок[70]. В 1646 г. несколько пустошей было утверждено и за 11 пушкарями Дорогобужского замка[71].

Все военнослужащие лица пользовались теми же привилегиями, что и смоленские казаки, тот же был порядок исполнения службы и наследования земли, судебные права. Кроме того, все казаки и литовские татары были освобождены от налогов Речи Посполитой за своих крестьян, если таковые имелись (серпейские казаки, не получившие привилея, составляли исключение); но смоленские пушкари не платили налог только с собственных домов.

По распоряжению Владислава IV в 1643 г. под Смоленском было назначено 440 волок военнослужилым крестьянам —

[67] О военнослужилом населении воеводства подробнее речь идет в главе I диссертации («Население Смоленского воеводства»). К Смоленску были приписаны три хоругви казаков (различавшиеся цветом знамен), численностью по 100 коней каждая [РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 97. Л. 283 об.–285 об.]; отряд казаков при замке Белой должен был насчитывать 200 [Там же. Ед. хр. 101. Л. 235–237 об.], при Дорогобуже – 100 [Там же. Ед. хр. 101. Л. 278–280 об.], при Рославле – 50 коней [Там же. Ед. хр. 99. Л. 545–546 об.]. Кстати, по всей вероятности, именно эти хоругви вскоре после капитуляции Смоленска в 1654 г. были переведены в отдаленные районы России, на Закамскую черту.

[68] Там же. Ед. хр. 101. Л. 121–122, 240–242 об.

[69] Там же. Л. 304 об.–306.

[70] Там же. Ед. хр. 99. Л. 593 об.–594.

[71] Там же. Ед. хр. 121. Л. 91–91 об.

панцирным боярам (на 110 коней, по 4 волоки на коня). В отличие от казаков, по листу воеводы (утвержденному королем) на них была возложена не только военная служба, но и обязанность по очереди выполнять его поручения, в частности возить письма, а также платить ежегодный чинш по 4 копы грошей с коня, т.е. по 1 копе (60 грошей) с волоки. Подтверждая это пожалование, король Владислав IV в 1645 г. снизил размер чинша в 40 раз – до 6 грошей с коня, т.е. по полтора гроша с волоки, а также по образцу казаков освободил бояр от всех налогов Речи Посполитой. Как и казаки, панцирные бояре держали землю наследственно и находились под юрисдикцией замка, подчиняясь воеводе[72].

Как подчеркивают привилеи, пожалование земель военнослужилым людям должно было сократить расходы казны. Чтобы дать им возможность построить дома и завести хозяйство, в течение 6 лет отрядам жалование выплачивалось и в мирное время. После этого король, не неся расходов, сохранял в замках воеводства отряды, численность которых в конце 20-х гг. составляла казаков – до 1010 человек, татар – 100 человек и смоленских пушкарей – 30 человек, т.е. всего 1140 человек. К началу 50-х гг. XVII в. с передачей Себежа и Невеля Полоцкому воеводству и Трубчевска – России число казаков в воеводстве должно было сократиться до 900 человек, но это компенсировалось созданием в Смоленске хоругви панцирных бояр с увеличением числа пушкарей (за счет Дорогобужа и дробления наделов в Смоленске)[73], т.е. численность военнослужилых людей, обязанных за пожалованную землю постоянно находиться в боевой готовности, даже несколько увеличилась. Это позволяло сократить наемные гарнизоны большинства замков воеводства до минимума, так как военнослужилых людей и шляхты, обязанной нести военную службу во время войны, было, в принципе, достаточно, чтобы они могли некоторое время отражать русские войска.

[72] Там же. Ед. хр. 124. Л. 306–308. Знамя этой хоругви было черным.

[73] Дробление наделов характерно и для казаков. В 1652 г. при Почеповском замке 2 волоки после смерти их владельцев были переданы другим лицам на тех же условиях на «пол–коня» [Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т.1. Полк Стародубский. Киев,1888. С. 613].

Здесь правительство видимо исходило из опыта Украины, где с XVII в. городовые казаки составляли гарнизоны многих замков. Вопрос о сословной принадлежности «грунтовых» казаков Смоленского воеводства трудно решить однозначно. Среди них имелись выходцы, например, из мещан. В 1629 г. в Россию выехал казак Рославльского замка Н.Г. Берников, «белорусец из Копыси, мещанский сын», владевший 12 волоками земли в Смоленском уезде совместно со своим дядей, также служившим в казаках[74]. С другой стороны, многие лица, получившие казацкие наделы, выступают с эпитетом «шляхетный». Известен случай конфискации казачьих наделов у братьев Я. и Б. Кравченко, именовавших себя Михновичами, и передачи их на той же повинности шляхтичу К. Костюшко. Последний заявил, что Михновичи держат землю на казацкой службе, будучи плебейского происхождения[75], т.е. не принадлежа к шляхте. Это позволяет предположить, что в отличие от Украины, в Смоленском воеводстве казаки в значительной степени набирались из мелкой шляхты (или лиц, объявлявших себя шляхтичами), и нешляхетское происхождение могло даже служить формальным препятствием для владения казачьим наделом. В 20–е гг. XVII в. среди грунтовых казаков было немало и русских дворян. В 1620-1621 гг. деревни в Невельском уезде на этих условиях получили, например, дети боярские П. Соймонов, Ф. Ансимов, рязанец С. Волк[76] и др. Есть основания предполагать, что и некоторые другие русские казаки прежде, в России, принадлежали к служилым людям. Но гораздо более важно то, что все казаки, получившие от короля земли, могли иметь зависимых крестьян. Аналогичным правом пользовались не принадлежавшие к шляхте пушкари и грунтовые бояре. Следовательно, те из них, кто владел крестьянами, даже не пользуясь шляхетскими правами, должны быть отнесены к классу феодалов.

Следует добавить, что король не слишком доверял казакам русского происхождения, и когда в 1628 г. большая

[74] Русско–белорусские связи... С. 103.
[75] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 108. Л. 486 об.
[76] Там же. Ед. хр. 97. Л. 128–129, 202–202 об., 235 об.–236.

часть серпейских казаков во главе с атаманом взбунтовалась и ушла в Россию, в 1628–1629 гг. русские казаки Рославльского и Серпейского замков были переведены с границы в Смоленский уезд, где получили другие земли на тех же условиях[77].

Литовские татары в исследуемый период по своему правовому положению приближались к шляхте. Окончательно вопрос об их шляхетстве был решен при Яне III Собесском и его преемниках[78]. Но и в первой половине XVII в. они традиционно пользовались многими шляхетскими привилегиями, в том числе, правом владеть крестьянами[79].

Таким образом, эти жители воеводства, пожалованные небольшими наделами с обязанностью военной службы, независимо от формального признания шляхетства некоторых из них, по экономическому, да и по правовому положению были близки к мелкой шляхте. Основное различие состояло в обязанностях, возложенных за пожалованную землю. В отличие от шляхты – «обывателей» воеводства, военнослужилые люди и в мирное время по очереди несли военную службу. Но это давало им освобождение от налогов и за дымы крестьян, которым шляхта не пользовалась, а во время войны они получали и жалование.

В соответствии с королевской инструкцией, земли были выделены и некоторым чиновникам, должностным лицам. Смоленский будовничий в 1627 г. получил 200 волок земли с правом на одну десятую часть доходов; остальные предназначались на ремонт укреплений Смоленска [80]. Тогда же поучил должностное имение и смоленский городничий[81]. Оба

[77] Там же. Ед. хр. 102. Л. 362–362 об., 464 об.–472 об.

[78] Volumina legum. T. V. S. 91, 258–259? 313; T. VI, s. 307; T. VII. S. 101, 350 etc. Подробнее см. Dumin S. Szlachta tatarska w Wielkim Księkstwie Litewskim i zmiany w jej sytuacji prawnej w XVI–XVIII w. // Roczniki Historyczne. Rocznik LVII. 1991. S. 147–163; Dumin S. Herbarz rodzin tatarskich Wielkiego Księstwa Litewskiego. Gdańsk, 1999, etc.

[79] См., например: Лаппо И.И. Литовский статут 1588 г. Каунас, 1938. Т. 2. Текст. С. 461 и др.

[80] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 99. Л. 234-234 об. Кроме того, на каждую службу или волоку была возложена обязанность ежегодно поставлять две доски для ремонта стен крепости.

[81] Там же. Л. 534 об.–535 об.

имения предназначались для лиц, занимавших данные должности. Для смоленского воеводы было выделено 800 волок, но к 1629 г. он еще не вступил во влаление ими[82].

Крупные пожалования получила и католическая церковь. Ей были переданы обширные земли, конфискованные у православной церкви и монастырей. Признавший унию смоленский архиепископ Сергий в 1621 г. получил привилей на некоторые волости Смоленского уезда. При этом оговаривалось, что униатские архиепископы не имеют права претендовать на остальные земли, пожалованные их православным предшественникам русскими князьями и царями[83]. Часть церквей была передана католикам, а сохранившимся – уже униатским – приходам были оставлены небольшие наделы. Всего униатский архиепископ, не считая земель, выделенных приходам, получил от Сигизгмунда III в Смоленском повете 600 волок. В то же время католическому епископству, капитулу, приходам и монастырям было пожаловано только в Смоленском, Дорогобужском, Рославльском, Бельском, Серпейском и Невельском уездах 3284 волоки (не считая отданного Смоленской иезуитской коллегии крупного имения Болдын).

Еще 210 волок было пожаловано городу Смоленску для раздачи мещанам и на фольварки городских чиновников. Всего же, по сообщению источника, при замках Смоленске, Дорогобуже, Белой, Рославле, Серпейске и Невеле к 1629 г. было роздано 3098 волок измеренной земли [84].

К сожалению, в документе не подсчитана площадь земель, пожалованных шляхте. Как отмечалось выше, в привилеях 1620–1621 гг. площадь имений, как правило, не указывалась. С распространением волочной померы число измеренных пожалований постепенно увеличивалось. Статистическая обработка привилеев 1623–1629 гг. с указанным размером пожалования в волоках позволила рассмотреть

[82] БиблиотекаВрошлавского университета. Отдел рукописей. № 1949/439. Т.2. Л. 46 об.

[83] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 97. Л. 214–214 об. То же в привилее его преемнику 1625 [РГАДА. Ф.389. Ед. хр. 101. Л. 213].

[84] Библиотека Врошлавского университета. Отдел рукописей. № 1949/439. Т.2. Л. 46 об.

раздачу измеренных имений шляхте по уездам воеводства за эти годы. В 1623–1629 гг. в Смоленском повете (в границах конца 30-х гг. XVII в.) такие пожалования получили 275 человек, в Невельском и Себежском уездах – 11 человек, а в Стародубском повете – 21 человек. В Смоленском повете шляхте была роздана 7061 волока (из них 5463 в Смоленском уезде), а в Стародубском повете – 1247 волок (из них 782 в одноименном уезде). В Невельском и Себежском уездах шляхта получила только 474 волоки. Всего на территории воеводства 305 шляхтичей получали в общей сложности 8782 волоки.

Таким образом, до 1629 г. на территории воеводства было роздано в общей сложности до 18 тыс. волок измеренной земли.

К сожалению, за пределами подсчета оказались не поддающиеся статистической обработке многочисленные пожалования 1620–1621 гг. (всего 345 человек, из них 249 в Смоленском повете, 31 – в Стародубском повете, и 65 – в Невельском, Себежском и Красногородском уездах)[85]. Не могли быть учтены и некоторые пожалования 1623–1629 гг., где также не указывалась площадь имений. Таким образом, земли, измеренные в волоках, получили немногим более половины пожалованных при Сигизмунде III. Сопоставляя сведения о числе пожалованных и средние размеры пожалований по уездам (от 10 до 60 волок одному лицу), можно лишь констатировать, что в результате раздачи имений при Сигизмунде III во владении шляхты оказалось в общей сложности примерно вдвое больше земли, чем у духовенства, военнослужилых людей и горожан вместе взятых.

Как отмечалось, Трубчевский уезд вместе с городом Трубчевском был почти целиком пожалован князьям Трубецким. Секретарь короля Ян Грыдзич (Гридич) в 1621 г. получил в пожизненное владение весь Поповгородский уезд с замком[86]. В 1629 г. Почеп с уездом был отдан в вечное ленное владение королевскому дворянину (придворному)

[85] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 96 и 97 (подсчет наш; часть этих лиц получила позже дополнительные, уже измеренные пожалования, которые учтены при подсчете площади розданных земель).

[86] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 97. Л. 292–292 об.

Даждьбогу Керло[87]. Крупные пожалования светским феодалам зарегистрированы и в Смоленском повете. Упоминавшиеся выше Солтыковы в 1621 г. получили в вотчину в Дорогобужском уезде 6 сел, 50 деревень, 15 пустошей, 7 починков и 5 сенокосов[88], а В.О. Янов в том же году – село, 4 деревни, 6 починков в Смоленском уезде и 2 села, 14 деревень, 11 пустошей и 2 починка в Дорогобужском уезде[89].

В результате пожалований и земельных сделок огромные владения сосредоточились в руках смоленского воеводы Александра Корвин–Гонсевского. Большая их часть упомянута в записи о вводе во владение, составленной в июле 1631 г. У полковника А. Зборовского Гонсевский приобрел пожалованную королем Поречскую волость, где его владения тянулись 12 миль (ок. 84 км), простираясь в шрину на 3–6 миль (21–42 км). Он приобрел у лифляндца Вильгельма Апельмана пожалованное тому имение в Смоленском уезде (получив при подтверждении сделки королем прилегающие пустоши); в имении было 240 волок (из них 235 – пригодных для обработка). В Смоленском уезде ему принадлежало также имение Глушицы размером 2 мили (14 км) в длину и 0,5 мили (3,5 км) в ширину. В Бельском уезде владения Гонсевского простиралисна 18 миль (136 км) в длину и на 8–10 миль (56–70 км) в ширину, но там почти половину земель занимали непригодные для сельского хозяйства мхи и болота. Во владениях довольно большая часть земли была занята лесом; в Поречье к 1631 г. удалось расчистить только 400 волок с плохой земли[90].

Кроме того, Гонсевский в 1629 г. получил от Сигизмунда 57 деревень и пустошей при построенном им неподалеку от Смоленска остроге Михайлово. Т.е. только пригодной для обработки земли ему принадлежало значительно больше 1000 волок – очевидно, в два раза больше, чем, например, униатской церкви. Но препятствием для их использования был уже отмеченный выше недостаток рабочих рук.

[87] Там же. Ед. хр. 99. Л. 610 об.–611.
[88] Там же. Ед. хр. 97. Л. 22–24, 43 об.–44 об.
[89] Там же. Л. 266 об.–267.
[90] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 102. Л. 498 об.–499 об.

Таким образом, уже при Сигизмунде III в воеводстве возникло крупное церковное и светское землевладение. Но у короля в распоряжении оставалось довольно большое количество свободных земель. Кроме того, на территории воеводства были организованы городовые староства, а в Смоленском уезде королевская экономия. Выше были представлены сведения о числе крестьянских служб в королевских владениях Смоленского повета. В 1629 г. был подсчитан общий доход с них, включая цену полученного с крестьян зерна. Вес зерна, использованного для хлебного жалования гарнизонам, сумма годового дохода с этих земель составляла 42204 зл. 18 гр. 4 шеленга, из них 6800 злотых шло воеводе, 16194 зл. на уплату жалования смоленской кавалерии, 5053, 5 зл. – смоленской пехоте, 2127,5 зл. – дорогобужской пехоте, а 1200 зл. пехоте Рославля, Серпейска, Белой и Невеля. Остальные 11640 зл. 18,5 гр. выплачивались королю[91].

Таким образом, в годы, предшествовавшие Смоленской войне, доходы с королевских владений в воеводстве были достаточны для содержания там гарнизонов, а кроме того, только со Смоленского повета на нужды короля ежегодно поступало более 11,6 тыс. злотых. Оценивая пожалования, предпринятые при Сигизмунде III, следует, видимо, констатировать, что королевскому правительству удалось добиться поставленной цели – обеспечить довольно успешную оборону этой территории за счет местных ресурсов. Их оказалось достаточно, чтобы смоленская крепость смогла продержаться до прихода подкреплений во главе с Владиславом IV, сковав силы армии Шеина. Благодаря этому правительство Речи Посполитой смогло по Поляновскому миру 1634 г. сохранить большую часть этой территории.

§ 4. Земельные пожалования при Владиславе IV

Раздача земель в воеводстве Владиславом IV объяснялась, в основном, необходимостью вознаградить участников Смоленской войны 1632–1634 гг., а также желанием ко-

[91] Библиотека Чарторыйских. Папки Нарушевича. № 134. С. 245–246.

роля добиться поддержки некоторых влиятельных феодалов в поощрить лиц, поддержавших его при элекции. Между пожалованиями Сигизмунда III и его преемника существуют заметные различия. Раздача земель при Сигизмунде III осуществлялась довольно планомерно и даже методично. Распределением имений были заняты королевские комиссары, хотя некоторые шляхтичи и получили листы на земли непосредственно от королевича Владислава, назначенного верховным администратором княжеств Смоленского и Северского. Затем пожалования подтверждались королем. Привилеи Владислава IV 30-х гг. XVII в., выданы тем, кто лично или через королевских приближенных докладывал королю о своих заслугах и просил о пожаловании. Многие привилеи 1633–1634 гг. изданы в военном лагере под Смоленском, где лица, участвовавшие в войне, имели к королю довольно свободный доступ. Зачастую земли жаловались почти всем шляхтичам, служившим в отдельных хоругвях. Щедрые пожалования получили приближенные короля и его любимцы – коронные магнаты Казановские, его секретарь П. Подхотимский, королевский врач М. Форбек–Леттов и др. После подписания мира во время поездки по стране король, как свидетельствуют даты привилеев, останавливаясь в различных городах, неизменно удовлетворял просьбы о пожаловании или награждал влиятельных шляхтичей участками земли в Смоленском воеводстве. Т.е., если раньше шляхтич получал землю от комиссаров, а затем утверждался во владении королем, то теперь пожалованный, вооружась привилеем, отправлялся в Смоленское воеводство для получения назначенного королем количества земли. Весьма показательны результаты статистической обработки привилеев Владислава IV шляхте на земли в Смоленском воеводстве 1633–1636 гг.– периода массовой раздачи имений. Всего в 1633–1636 гг. на территории воеводства 348 шляхтичей получили привилеи на 29252 волоки земли, из них 25156 – в Смоленском, а 4096 – в Стародубском повете. Подавляющее большинство этих земель было пожаловано в 1634 г. – 19484 волоки в Смоленском и 3660 волок в Стародубском повете. Кроме того, в 1634 г. были выданы 6 привилеев на 1030 волок

в Деменской волости Серпейского уезда, но тогда же по Поляновскому миру этот уезд отошел к России, и пожалованные не вступили во владение.

Заметные изменения произошла и в размерах пожалований. Если в 1623–1629 гг. на одного пожалованного в Смоленском повете приходилось в среднем 26, а в Стародубском – 42 волоки, то в 1633–1636 гг. эти цифры составляют соответственно 78 и 146 волок.

Еще более показательно сопоставление данных о числе пожалований разного размера в 1623–1629 и 1633–1636 гг. В зависимости от размера пожалования были условно разделены на три группы. В I группу включены пожалования более 100 волок (крупные), во II – от 25 до 90 волок (средние), в III менее 25 волок (мелкие). Чтобы отчетливее проследить различие пожалований в рассматриваемые хронологические отрезки, внутри групп введены подгруппы, обозначаемые буквами. Подгруппа I–а включает пожалования размера 1000 волок и больше, I–б – 400–800 волок, I–в – 200–370 волок, I–г – 100–190 волок. Средние пожалования разделены на две подгруппы: II–а – 55–90 волок и II–б – 25–50 волок. Две подгруппы выделены и среди мелких пожалований: III–а – 10–21 волока, III–б – менее 10 волок.

Статистический материал свидетельствует, что с началом правления Владислава IV в Смоленском воеводстве резко увеличивается доля пожалований I группы. Крупные имения в 1633–1636 гг. получила 27,9% всех пожалованных (в 1623–1629 гг. только 3,3%). Особенно заметно увеличение доли пожалований в подгруппах I–в и I–г – до 9,5 и 16,4% (в 1623–1629 гг. соответственно только 0,3 и 2,6% измеренных пожалований). В группе II число пожалованных также увеличивается, хотя и не так существенно (с 36,7 до 46,3%) и наиболее заметно в подгруппе II–а (с 10,9 до 22,7%, т.е. более чем в 2 раза). Одновременно резко уменьшается доля пожалований III группы (с 60,2 до 25,8%). Уменьшение здесь происходит, в основном, за счет подгруппы III–б. Если в 1623–1629 гг. шляхтичи, получавшие менее 10 волок, составляли 43,3% всех пожалованных, то в 1633–1636 гг. их доля понижается в 10 раз – до 4,3%. Заметно изменилось и

соотношение площади земель, розданных в выделенных группах. Если в 1623–1629 гг. измеренные крупные пожалования заняли 20,6% розданных шляхте волок, то в 1633–1636 гг. доля земли, приходящейся на них, повышается до 65,6%. Доля земель, розданных в других группах, резко снижается (в группе II – в 2 раза, в группе III – более чем в 4 раза, а в подгруппе III–б – в 33 раза). Наиболее заметны изменения на Стародубщине, где в 1633–1636 гг. крупные пожалования получили 60,7% шляхтичей и им было отдано 92,7% всей розданной земли. В 1623–1629 гг. там было зафиксировано только одно пожалование такого размера (в подгруппе I-б – 400 волок в Поповгородском уезде Я. Друцкому-Соколинскому)[92]. Но не следует забывать, что в 1621–1629 гг. три из четырех уездов этого повета – Трубчевский, Почеповский и Поповгородский были переданы трем крупным феодалам. В Поповгородском уезде в 1634 г. дробление крупного земельного комплекса, ранее принадлежавшего Яну Грыдзичу, позволило щедро пожаловать 18 шляхтичей.

Королевские владения в Невельском, Себежском и Красногородском уездах (где преобладали мелкие и средние шляхетские имения) в 1633 г. были целиком переданы в вечное ленное владение гетману К. Радзивиллу[93].

Владислав IV раздавал земли не только шляхте. Уже в 1633 г. он пожаловал земли некоторым униатским приходам и утвердил за ними участки, выделенные комиссарами в 20-х гг. XVII в.[94] Тогда же король подтвердил привилеи своего предшественника униатскому архиепископству, закрепил за ним многочисленные церкви и приходы с земельными угодьями и пожаловал дополнительные земли из числа принадлежавших ранее православной церкви. Судя по всему, эти привилеи должны были обеспечить поддержку местного духовенства, в которой правительство особенно нуждалось во время войны. Ту же цель – приобрести поддержку местных жителей – преследовал привилей 10 мая 1634 г. православным жителям Смоленска, не признававшим унии, на церковь св. Бориса и Глеба, 120 волок земли для постройки монастыря и

[92] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 110. Л. 348 об. (26 марта 1625 г.).
[93] Там же. Ед. хр. 108. Л. 32-33 об.
[94] Там же. Ед. хр. 108. Л. 2 об., 11, 14–22 об. и др.

200 волок на нужды православного духовенства, отведенные в Смоленском уезде[95]. Позже дополнительные пожалования получили и католические монастыри иезуитов, бернардинцев, доминиканцев, Были заметно увеличены земельные владения некоторых городов, например Смоленска[96], что должно было способствовать их развитию.

Раздача земель шляхте в масштабах, которые она приняла в 1634 г., противоречила интересам королевской власти. Трудно судить, насколько преобладание в 30-е гг. пожалований I и II групп было результатом сознательной поддержки королем крупного землевладения. Так, передача нескольких замков с уездом и волостями крупным феодалам продолжила линию, намеченную при Сигизмунде III. Жалуя пограничные земли в ленное владение магнатам, король снимал с себя заботу о содержании там гарнизона. Но, судя по всему, в 1634 г. король действовал под сильным давлением своего окружения, и фактически раздача имений вышла из–под его контроля. В казне не хватало средств для уплаты отрядам, участвовавшим в войне, и, жалуя им земли, король снимал с себя этот долг. Но, кроме того, окружение короля и просто влиятельные феодалы воспользовались создавшейся ситуацией для приобретения обширных земельных владений. При этом раздавались не только свободные земли, но и королевские имения. Выше отмечалось уменьшение числа служб во владении короля в Смоленском повете с 2150, в 1629 г. до 343 в 1636 г., т.е. почти на 84%. Оно объяснялось не только убылью населения в годы войны и возвращением России Серпейского уезда, но и раздачей шляхте значительной части королевских имений, совершенно вопреки сеймовой ординации смоленских замков 1613 г. Королевские комиссары выразили сомнение в том, что на доходы с оставшихся служб воевода сможет содержать гарнизоны и ремонтировать укрепления замков. Их сомнения разделял и сам смоленский воевода А. Корвин–Гонсевский. 3.3.1637 г., после завершения очередного сейма, на прощальной аудиенции у короля он выступил с заявлением,

[95] Там же. Ед. хр. 110. Л. 382–383

[96] Там же. Ед. хр. 108. Л. 149–150.

писсенным затем в Литовскую метрику[97]. Воевода отметил, что до войны оплачивал гарнизоны и содержал замок на доходы с королевских имений. Но затем разные лица выпросили у короля и разобрали почти все замковые волости. Между тем, стены крепости повреждены во время осады и требуют ремонта, а 24 марта 1637 г. истекает срок выплаты жалования гарнизону, установленный сеймом, и средств на его дальнейшее содержание нет. В связи с этим воевода снял с себя всякую ответственность за невозможность из–за отсутствия средств содержать в Смоленске, как раньше, несколько сот человек и ремонтировать замок.

Протест воеводы и предостережения комиссаров возымели некоторое действие. Массовая раздача имений была прекращена, и после 1637 г. на территории воеводства зарегистрированы лишь единичные, обычно небольшие, пожалования. Но трудно судить, насколько это было результатом изменений в политике короля, а насколько – истощения земельного фонда. Во всяком случае, пожалования 1633–1636 гг. нанесли королевским владениям в воеводстве сильный ущерб, что непосредственно сказалось на его обороноспособности. Этим в значительной степени объясняется и плачевное состояние стен Смоленска в 1654 г., и то, что его гарнизон не получал жалования в течение 16 лет (т.е. именно с 1637 г.)[98].

§ 5. Перераспределение земельной собственности

Как отмечалось выше, юридически король являлся верховным собственником всех ленных имений. В случае неисполнения владельцем повинностей, смерти без потомства мужского пола или юридической смерти в связи с приговором суда к баниции (изгнанию) или изменой имение становилось выморочным и возвращалось королю. По закону

[97] Там же. Ед. хр. 107. Л. 200 об.–202.

[98] Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с нею владений (от 1387 до 1710 года), изданное Виленской археологическою комиссиею / Под редакцией ученого секретаря Маврикия Круповича. Вильно, 1858. Ч. I. С. 102.

подлежали конфискации и незаконно занятые земли, а также имения лиц, незаконно присвоивших шляхетские права. Санкция короля требовалась для любой сделки, связанной с ленным имением. Поэтому книги метрики содержат большое число привилеев на выморочные имения и консенсов на цессию – передачу прав на имения.

Власти не проводили учета и планомерной конфискации выморочных или находящихся в незаконном владении имений. Инициатива тут принадлежала шляхте. Обычно шляхтич, узнав, что имение стало выморочным или подлежит конфискации, сообщал об этом королю, просил его о пожаловании и во всех известных случаях получал соответствующий привилей.

При Сигизмунде III такие случаи были редкостью, но в период Смоленской войны число подобных имений резко увеличилось. Уже в 1633 г. зарегистрировано 5 случаев передачи имений другим лицам за неисполнение военной службы прежними владельцами, 29 случаев передачи прав на имения умерших и 27 случаев пожалования имений, владельцы которых перешли на русскую службу. Число привилеев такого рода увеличивается в 1634 г. и продолжает быть довольно значительным вплоть до конца 30-х гг. XVII в. Их подсчет не имеет особого смысла, так как действительное число переходов по этим документам в другие руки было меньше. Привилей на земли, уже имевшие владельца, был лишь основанием для возбуждения дела в суде. Не все дела решались в пользу вновь пожалованных. Часть шляхтичей, не исполнивших своих обязанностей, получила от короля привилеи, тем не менее, подтверждавшие за ними ленные имения. Выдавая привилеи на имения «изменников», королевская канцелярия не проверяла, действительно ли прежний владелец имения перешел на русскую службу. Часть этих лиц просто оказалась в плену, и, вернувшись после Поляновского мира, получила от короля привилеи с подтверждением прежних владений. Не исключено, что некоторые из них (в первую очередь, русские дворяне) после взятия части замков русскими войсками действительно поступили на царскую службу. Как отмечалось выше, в Старо-

чуве царю присягнули 33 сына боярских и отдельные шляхтичи. Но некоторые из них затем вернулись в свои имения, оставшиеся на территории Речи Посполитой и были утверждены во владении, так как заявили, что были в плену. Вообще раздача привилеев на имения, считавшиеся выморочными, в 30–е гг. XVII в. внесла немалую путаницу в поземельные отношения на территории воеводства. Часть лиц, чьи имения должны были быть конфискованы, успела получить конфирмационные привилеи, в ряде случаев было выдано несколько привилеев на одни и те же земли, а иногда лица, объявленные умершими, в действительности благополучно здравствовали. В метрике записано, например, два привилея 1633 г. разным лицам на одно и то же имение русских дворян Борозниных в Стародубском повете[99], а также привилей, утвердивший Борозниных во владении этим имением[100], причем Борознины продолжали владеть им до 50-х гг. XVII в.[101] Подобных примеров можно привести немало. Чаще всего, если прежний владелец получал конфирмацию пожалования, имение оставалось за ним. В случае выдачи нескольких привилеев на одно имение, оно обычно оставалось за лицом, чей привилей был выдан раньше. Передача прав на имение в связи с нарушением условий держания иногда завершалась соглашением прежним и новым владельцем за определенную сумму уступавшим пожалование, иногда уже после судебного решения в свою пользу. Крайне редко встречалась конфискация имений из–за продажи без разрешения. Чаще всего новый владелец обращался к королю за подтверждением и во всех случаях его получал. Но шляхтич, до этого узнавший о сделке, мог получить привилей на незаконно проданную землю.

Характерно, что случаи сообщения о неисполнении службы, незаконных сделках, владении и т. п. фактах учащаются в 30–40-е гг. XVII в. До этого любой шляхтич в соответствии с универсалом короля мог получить пожалование в воеводстве, не прибегая к отсуживанию имений других лиц. Кроме того, в годы Смоленской войны действительно участилась случаи

[99] Там же. Ед. хр. 108. Л. 74–74 об.; Ед. хр. 110. Л. 159.
[100] Там же. Ед. хр. 108. Л. 313 об.–314.
[101] Лазаревский А. Указ. соч. С. 434.

неисполнения обязанностей, связанных с ленным держанием, и перехода части местных феодалов на сторону России. Но дело, видимо, не только в этом. По всей вероятности, после заключения мира земли на этой территории стали представлять большую ценность, так как положение на границе стабилизировалось. Владельцы имений, шяхта, принимавшая участие в войне, да и другие лица стремились добиться увеличения своих владений. Поскольку не все могли рассчитывать на крупное пожалование, то простейший путь к увеличению владений состоял в получении права на чужое имение. Следует учитывать и еще одно важное обстоятельство. Шляхте раздавались в основном пустоши, часто давно не обрабатываемые, а в выморочных имениях земля уже возделывалась, там могли быть крестьяне. Т.е. выморочное имение в принципе должно было дать больший доход, чем пожалованная пустошь. От возможности округлить свои владения, иногда даже за счет близких родственнников, не отказывались и сравнительно крупные феодалы. Так, в 1634 г. С. Друцкий-Соколинский, смоленский подвоевода, просил короля обменять пожалованные ему после измены Ф. Бухольта 40 волок в Бельском уезде на такой же участок в Смоленском уезде, а также сообщил, что его двоюродный брат Е. Соколинский, владелец 20 волок в том же уезде, не участвовал в обороне Смоленска. Король утвердил за ним эти земли, прибавив еще 100 волок[102].

Впрочем, и в Смоленском воеводстве более распространенной формой приобретения прав на чужое имение была земельная сделка, по условиям держания требовавшая санкции короля. Его консенсы на передачу имений были двух видов. Те из них, где указано лицо, в пользу которого король разрешал уступить имение, в большинстве случаев видимо прямо предшествовали заключению сделки. Но в некоторых консенсах на месте имени и фамилии лица, в пользу которого разрешена цессия, – пробел. Во многих других, особенно при Владиславе IV и Яне Казимире, прямо указывалось, что владелец имения может продать, отдать в залог или подарить свою землю целиком или по частям любому шляхтичу при

[102] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 110. Л. 92 об.–93

условии исполнения новым владельцем тех же повинностей. Доля консенсов этого типа первоначально была не слишком велика. Из 22 консенсов, выданных в 1634 г., фамилия нового владельца не указана в 7, в 1635 г. из 49 – в 13, в 1640 г. из 31 – в 4 и т.п. Но в 40–50–е гг. их число неуклонно увеличивается, они накапливаются. А получение такого консенса фактически означало приобретение права свободно распоряжаться пожалованной землей, т.е. ослабление ленной зависимости от короля. Впрочем, и в остальных случаях при продаже ленного имения санкция короля была хотя и необходимой, но все же формальностью. С конца 30-х и особенно в 40–50–е гг. XVII в. право короля санкционировать сделки на ленные имения фактически стало одной из его обязанностей. По мере уменьшения пожалований, консенсы и привилеи на выморочные имения занимают в Литовской метрике все больше места.

В ряде случаев земельные сделки позволяли упорядочить земельные отношения, устранить чересполосицу. Иногда имения просто меняли владельцев. Но чаще передача имений в другие руки вела к дроблению или концентрации земельной собственности. Процесс концентрации начался на территории воеводства еще при Сигизмунде III. Уже в 20-е гг. XVII в. в результате раздачи имений были заложены основы крупных земельных владений Трубецких, Солтыковых, Потемкиных, Корвин–Гонсевских и некоторых других семей, увеличивших затем свои имения за счет королевских земель при Владиславе IV. Есть основания утверждать, что в большинстве крупные владения феодалов воеводства возникли именно в результате королевских пожалований. Но в дальнейшем те же феодалы часто значительно увеличивали свои владения, покупая земли, пожалованные другим лицам, или получая привилеи на выморочные имения. Примером может служить уже упоминавшийся комплекс имений Александра Корвин–Гонсевского. Адам Казановский в дополнение к пожалованиям получил в 1634 г. привилей на имения умерших бездетными В. Янова и Я. Грыдзича в Смоленском повете[103]. В 1635 г. он приобретает там же имение у

[103] Там же. Ед. хр.110. Л. 495-496 об.

К. Понятовского[104]. В Стародубском повете концентрация земли происходит в руках Миколая Абрамовича. В 1634 г., в бытность полковником, он получает от Владислава IV в вечное ленное владение город Мглин с 500 волоками, отделенными от староства Стародубского[105]. В 1636 г. П. Трызна с согласия короля уступает ему в пожизненное держание само староство и войтовство города Стародуба[106]. В 1644 г. он, уже воевода Мстиславльский, с согласия короля приобретает у Ю. Кудревича пожизненное звание войта города Мглина с юридикой и войтовскими волоками[107], устанавливая таким образом полный контроль над пожалованным ему ранее городом. В том же году он получает консенс на производство в течение 10 лет лесных товаров в лесах староства Стародубского[108]. Кроме того, несколько шляхтичей того же повета получают консенсы на продажу Абрамовичу своих имений. В результате этих сделок Абрамович стал крупнейшим феодалом повета.

Концентрация земельных владений характерна и для других крупных и некоторых средних феодалов воеводства. Разумеется, этот процесс протекал довольно сложно. Крупные феодалы часто нуждались в деньгах и уступали свои земли, иногда довольно значительные участки, другим лицам. Тот же Абрамович в 1643 г. продал 400 волок в Поповгородском уезде секретарю и врачу короля М. Форбеку Леттову[109]. Леттов еще в 1634 г. получил от короля 300 волок в том же уезде[110], и сделки с Абрамовичем и некоторыми другими феодалами повета позволили ему стать одним из крупных феодалов Стародубщины (по его собственной оценке, в 1649 г. ему принадлежало там до 2000 волок пахотной земли и леса)[111]. Владелец Себежского и Невельского уездов

[104] Там же. Ед. хр.112. Л. 1-3.
[105] Там же. Ед. хр.108. Л. 124-125.
[106] Там же. Л. 513-514, 515 об.-516.
[107] Там же. Ед. хр.114. Л. 646-646 об.
[108] Там же. Л. 570-571.
[109] Там же. Ед. хр.115. Л. 257-259.
[110] Там же. Ед. хр.108. Л. 211-212.
[111] Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci. Pamiętnik lekarza króla Władysława IV / Opracowali E. Galos i F/ Mincer / Pod red. naukową W. Czaplińskiego. Wrocław [i.i.], 1968. S. 244.

Кшиштоф Радзивилл, получивший от короля несколько привилеев на выморочные земли на этой территории, в 30-е гг. XVII в. продал там несколько сот волок земли разным шляхтичам. Продажа, отдача в аренду или залог земель характерна и для большинства остальных крупных феодалов воеводства. Иногда (как в случае Леттова) это позволяло некоторым выходцам из средней шляхты, если и не войти в ряды магнатов, то перейти в категорию крупных феодалов, по крайней мере, в местных масштабах.

Весьма примечательна, например, карьера смоленского земского судьи Иеронима Цехановича. Магистр философии, выходец из средней шляхты ВКЛ, он участвовал в осаде Смоленска и в 1611 г. был назначен войтом этого города[112]. В 1623 г., являясь смоленским подсудком, он получает первые 60 волок в Смоленском уезде[113], а в 1626 г. – еще 40 волок[114]. В 1623 г. он берет у воеводы в аренду на 3 года замки Смоленск, Дорогобуж, Серпейск, Рославль, Невель и Себеж с их уездами[115]. В 1641 г. он же арендует у М. Абрамовича Стародубское староство и войтовство со всеми доходами на срок с 24 июня 1642 по 24 июня 1648 г., уплатив за аренду наличными 50 тысяч злотых[116]. В 1650 г. в Смоленском повете ему принадлежало в общей сложности 354 дыма (это 9 место в повете). Не довольствуясь доходами с крестьян, он устраивает в своих владениях местечки Цехановичи и Катынь[117]. Все это время он продолжает увеличивать свои ленные владения, в основном, за счет королевских пожалований, но и путем приобретения земли у разных лиц.

На примере Иеронима Цехановича мы наблюдаем постепенное увеличение владений и доходов выходца из средней шляхты, использующего для этого все доступные ему средства: должности в администрации, получение пожалований, покупку имений, аренду староств (пожалованных королем более влиятельным и знатным лицам).

[112] Там же. Ед. хр. 89. Л. 451.
[113] Там же. Ед. хр. 99. Л. 520 об-521.
[114] Там же. Л. 573-574.
[115] Там же. Ед. хр. 101. Л. 64-64 об.
[116] Там же. Ед. хр. 117. Л. 39-41.
[117] Там же. Ф. 145. Оп. 1. Кн. 1. Л. 5-5 об.

В церковных землях воеводства земельные сделки в исследуемый период были распространены слабее, чем в шляхетских имениях. Не зафиксировано ни одного случая продажи церковных имений светским феодалам, хотя в 1628 г., например, смоленский будовничий Якуб Вонляр арендовал все имения католического епископства[118]. Большая часть церковных земель была получена от короля, некоторая часть имений была даром отдельных крупных феодалов. Так, Александр Корвин–Гонсевский в 1623 г. пожертвовал смоленским иезуитам небольшое имение Пнево[119], а в 1639 г. передал на содержание часовни в костеле Михаила Архангела в Смоленске, где был похоронен его брат, деревню Смиловичи[120]. Зарегистрировано всего несколько случаев приобретения церковью шляхетских имений. Известен также случай захвата католическим епископством сенокосов, принадлежавших городу Смоленску[121]. Около 1650 г. смоленские иезуиты захватили имение М.С. Гонсевского в Бельском уезде[122]. Но судя по имеющимся источникам, для воеводства было более типично незаконное занятие свободных, но формально королевских земель, чем грешило, пожалуй, большинство пожалованных.

В процессе перераспределения земельной собственности в результате земельных сделок и получения прав на выморочные имения сложилась структура феодальной земельной собственности, зафиксированная книгой подымного сбора 1650 г.

§ 6. Имения Смоленского повета в 1650 г.

В 1650 г. сведения о имениях на территории повета представили 560 шляхетских семей и староста рославльский, пожизненно владевший имениями этого староства и Бель-

[118] Там же. Ф. 389. Ед. хр. 103. Л. 119 об.-121 об.
[119] Там же. Ед. хр. 108. Л. 252-253.
[120] Там же. Л. 635-636 об.
[121] Мурзакевич Н. А. История города Смоленска. Юбилейное изд. / Под ред. И.И. Орловского. Смоленск, Кн. V. С. 28–34.
[122] РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Кн. 1. Л. 18.

ской державой. Площадь земель, принадлежавших им в 1650 г., не указана[123].

Но само по себе владение землей не гарантировало доходов. Для получения ренты было необходимо наличие феодально–зависимого населения. Т.е. действительное представление о расслоении феодалов повета дают сведения о числе принадлежавших им дымов.

В ходе статистической обработки материалов книги подымного сбора 1650 г., в зависимости от числа дымов старожилов, слободчиков и загродников, находившихся в фактическом владении отдельных феодалов, они были условно разделены на несколько групп.

Данные источника свидетельствуют о значительной дифференциации среди феодалов повета. Из 561 владений, учтенных в книге, 33 (ок. 5,9%) не имели зависимых людей. 121 семье (ок. 21,6%) принадлежало по 1 дыму, а 197 (35,1%) от 2 до 9 дымов. Всего в фактическом владении шихты зарегистрировано 16047 дымов старожилов, слободчиков и загродников, из них 9151 (57,0%) у владельцев 100 и более дымов. Той же группе феодалов принадлежало 49,3% имевшихся во владениях шляхты мельниц, 56% – корчем, 79,1% ремесленников, живших в шляхетских местечках. В то же время для владельцев менее 10 дымов наличие в имении мельницы, корчмы или ремесленников крайне нетипично. У 318 феодалов этой группы зарегистрировано всего 9 мельниц, 1 корчма и 4 ремесленника. У средних феодалов (владельцев 10–99 дымов) мельница приходилась в среднем на 2–3 имения, а корчма – на 6 имений, а у владельцев 100 и более дымов на одного феодала приходятся почти 3 мельницы и в среднем 1–2 корчмы. Т.е. владельцы мелких имений были обычно лишены этой категории доходов.

Рассматривая группу крупных феодалов, мы должны помнить, что проведенное разделение, учитывающее только владения в Смоленском повете, в какой–то степени условно. Среди средних и даже мелких феодалов повета были представители магнатских родов. Князю Я.А. Сангушко,

[123] Реестр землевладельцев Смоленского повета, упоминаемых в этом источнике, публикуется (в русском переводе) в этом же сборнике.

например, в Смоленском повете принадлежало всего 10 дымов старожилов и 6 слободчиков, а его брату епископу И. Сангушко – 16 дымов и 14 слободчиков, коронному магнату Зыгмунту Тарло – 27 дымов и 5 слободчиков, витебскому воеводе Павлу Сапеге – 14 дымов и 11 слободчиков. С.К. Огинскому – 12 дымов[124] и т. д. Но размеры их владений на исследуемой территории определяли экономическое влияние в данном регионе и степень заинтересованности землями, захваченными у России. Среди крупных феодалов Смоленского повета в 1650 г. отсутствуют многие лица, в 30-е гг. XVII в. получившие там довольно значительные пожалования, а имения некоторых феодалов (например, Сангушко) по числу дымов не соответствует размерам земель, полученных от короля. В большинстве случаев это, видимо, объясняется продажей пожалованных земель другим лицам, иногда – тем, что не удалось привлечь туда крестьян. Таким образом, в ходе перераспределения земельной собственности и освоения пожалованных земель, в Смоленском повете образовалась группа феодалов, по своему экономическому положению способных существенно влиять на его внутреннюю жизнь. В связи с этим мы сочли необходимым подробнее рассмотреть структуру владений этой группы.

В общей сложности к ней принадлежало 30 человек. Отметим, что два крупных имения находились в 1650 г. в аренде, а их собственники или сохраняли в своих руках очень небольшие имения (№ 29), или не имели в повете других владений (№ 30). Не имел собственных имений в повете староста рославльский. Временной была и принадлежность к числу крупнейших феодалов повета смоленского воеводы Ежи Кароля Глебовича. Родовое владения этого магнатского рода находилось на территории Белоруссии. Собственные владения Глебовича в данном повете не достигали 100 дымов. Но в его держании находилась Смоленская экономия и земли, выделенные воеводам, где находилось 1004 дыма. В нескольких случаях довольно крупный комплекс владений складывался из королевских арендных имений и собственных имений. Наиболее характерен пример Якуба

[124] Там же. Ф. 145. Оп. 1. Кн. 1. Л. 2–2 об., 4, 7 об., 36 об.

Вонляра. Значительную часть его владений составляло имение будовничества, принадлежавшее ему по должности. Но более половины дымов, доход с которых он получал в 1650 г., принадлежало наследникам Е. Гожуховского: они к 1654 г. вновь вступили во владение своими имениями[125]. П. Мровинский арендовал небольшое имение у крупнейшего светского феодала повета, Вицентия Корвин–Гонсевского, а Адам Вежховский – у среднего феодала князя А. Боровского. Всего трем феодалам этой группы принадлежало в королевских и должностных имениях 1652 дыма, а четырем – 537 дымов в арендных имениях. В собственности 28 крупных феодалов (без Глебовича) находилось 7337 дымов.

Восьми крупным феодалам принадлежали и загродники в городах (92 загродника, или около 56% всех загродников в городских владениях феодалов). Тринадцати из них принадлежало 15 из 22 известных к 1650 г. местечек повета (еще одно было создано в 1652 г., также во владениях крупного феодала – хорунжего смоленского Яна Антония Храповицкого, 5 местечек описаны вместе с сельскими владениями тех же лиц, в остальных 10 у 8 феодалов было в общей сложности 918 дымов (не считая еврейских дымов, убогих и соседей). Во владениях Винцентия Корвин–Гонсевского дымы в городах и местечках составляли 11,9 %. Это соотношение для феодалов, имевших местечки, самое низкое. У остальных 7 крупных феодалов дымы в городах и местечках составляли от 24,8% (И. Цеханович) до 64,9% (К. Стеткевич) и даже 66,5% (Е.К. Глебович) всех дымов в их личных владениях. Таким образом, устройство местечек и поселение зависимых людей в городах среди крупных феодалов Смоленского повета было довольно распространено. Значительная доля дымов в городах и местечках в их владениях, видимо, является дополнительным свидетельством преобладания денежной ренты.

Число слободчиков в крупных имениях колеблется от 37,3% (№ 20) до 1,6% (№ 8); в одном имении слободчики вообще не зарегистрированы, нет их и в староствах. Большее или меньшее число слободчиков свидетельетвует о роли в

[125] Собрание государственных и частных актов. Ч. I. С. 89.

хозяйстве данного феодала колонизации свободных земель за счет привлечения новых крестьян в предшествующие два–три года. Большая часть загродников (54,6%) зарегистрирована в местечках и в городах. В 9 имениях их не было в сельской местности, а в 9 – не было вообще. Тем не менее, большая часть зарегистрированных в 1650 г. сельских загродников (ок. 60%) проживала именно во владениях крупных феодалов. Видимо в средних и мелких имениях феодал просто не мог себе позволить держать крестьян, не способных нести повинности в полном объеме, и старался обеспечить их полным наделом и инвентарем. Крупным феодалом в повете была церковь, в первую очередь, католическая. В имениях смоленской и витебской иезуитских коллегий зарегистрировано 762 дыма старожилов, 146 слободчиков, 16 загродников, а также 42 дыма загродников и 10 дымов слободчиков на посаде в Смоленске. Кроме того, как отмечалось выше, в 1650 г. 2370 дымов принадлежало смоленскому католическому епископу и капитулу, а 725 дымов – униатскому архиепископу, т.е. всего церкви принадлежал 4071 дым.

Королю в староствах в смоленской экономии принадлежало в 1650 г. 1460 дымов старожилов, слободчиков и загродников. К числу его владений должны быть отнесены я королевские города повета, где зарегистрировано 1402 дыма (включая 7 еврейских домов), облагавшихся сбором в его пользу. Теоретически владением короля было и пожизненно принадлежавшее П.К. Вяжевичу местечко Жарновки (67 дымов). Но, не говоря уже о староствах и экономиях, даже города Рославль и Белая в 1650 г. находились в держании старосты рославльского. Т.е. фактически король полностью должен был получать доход только с 1173 дымов (в Смоленске, Дорогобуже и Красном).

Тем не менее, формально из общего числа выявленных в повете в 1650 г. 21315 дымов (не считая убогих, бобылей, будников, дымарей и соседей) королю в экономии и староствах принадлежало 1460 дымов (6,69%), в королевских городах 1402 дыма (6,43%), в местечке Жарновки 67 дымов (0,31%), всего 2929 дымов (13,43%). Во владении католической церкви было 3346 дымов (15,34%), а униатской – 725

дымов (3,32%). Всего во владениях духовенства зарегистрирован 4071 дым (18,66%). Шляхте принадлежало 14593 дыма (66,89%), а в должностных имениях – 154 дыма (0,71%). Остальные 135 дымов приходились на имения смоленских и дорогобужских пушкарей и стрельцов (0,62%).

Весьма показательно сравнение этих данных с подсчетом польского историка Ю. Можы для остальных воеводств ВКЛ в 1648–1653 гг.[126] Доля дымов, принадлежавших шляхте, в Смоленском повете почти точно соответствует средним показателям для ВКЛ (67,2%). Доля дымов в королевских городах выше средней литовской (2,8%), но примерно соответствует соседним воеводствам Восточной Белоруссии (8,7% в Полоцком, 7,3% в Витебском, 4,9% в Мстиславском). Необычно велики владения католической церкви. Для этих лет самый высокий показатель, зарегистрированный в Жмудском старостве (8,2%), почти в два раза меньше смоленского. Зато доля дымов, принадлежавших королю, заметно меньше средней для ВКЛ. Единственные воеводства, где этот процент ниже, чем в Смоленском повете – Новогрудское (5,6% – королевские имения и староства, 0,5% – города, всего 6,1% дымов) и Минское (соответственно 11,3 и 1,5, всего 12,8%). В остальных воеводствах ВКЛ доля королевских дымов составляет от 20,0% (Виленское) до 57,1 (Полоцкое).

Таким образом, к началу 50-х гг. XVII в. король оказался среди феодалов этой территории на втором месте после католической церкви. Это было результатом щедрых королевских пожалований католическому духовенству, но обьяснялось и тем, что в отличие от короля, раздававшего свои земли феодалам, духовенство всеми правдами и неправдами увеличивало свои владения. Личные владения одного из светских феодалов, Винцентия Корвин–Гонсевского, по числу дымов даже опережали владения, оставшиеся под непосредственным контролем короля.

Как было отмечено, книга подымного сбора 1650 г. свидетельствует о значительном имущественном раеслоении среди феодалов повета. Мелкие феодалы составляли большинство

[126] Morzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wieku. Poznań, 1965. S.161 (tabela 27).

(ок. 56,7%).Число шляхты, не владевшей крестьянами, в книге подымного сбора невелико (ок. 5,9%), но, как отмечалось в I главе, судя по списку шляхты, в 1654 г. явившейся в Смоленск для выполнения военной службы, часть таких шляхтичей не представила в 1650 г. сведений о своих владениях. К ним, как говорилось, по своему положению были близки казаки и литовские татары, большинство которых, очевидно, также не имело зависимых крестьян. Т.е. число владельцев земель, не владевших крестьянами, было, очевидно, довольно велико. Но эта группа землевладельцев Смоленского повета и воеводства не была полным соответствием многочисленной в Польше и ВКЛ загродовой шляхте. Если в Польше и ВКЛ обилие мелкой шляхты объяснялось, прежде всего, дроблением имений и потерей частью шляхты своих владений, в исследуемом регионе на первое место выступает недостаток рабочих рук, отсутствие у землевладельцев зависимых крестьян, объяснявшееся резкой убылью населения.

§ 7. Национальный состав феодалов воеводства

В 1620-1621 гг. среди лиц, пожалованных имениями на исследуемой территории, поименно названы 345 человек[127]. Из них 89 были выходцами из России, 35 принадлежали к ливонскому дворянству, остальные 221 – к шляхте Короны и ВКЛ. Из числа 65 пожалованных в Невельском, Себежском и Красногородском уездах около половины – 29 человек – составляли русские, получавшие землю на казацкой службе. На тех же условиях 16 русских получили землю в Серпейском, а 1 – в Рославльском уезде. В Стародубском повете из 31 пожалования русские получили 5 (четверо получили имения в Почеповском уезде, а кн. Трубецкой – Трубчевский уезд). В Смоленском повете в 1620–21 гг. среди пожалованных русские составляли до 26,8%, а без Невельского, Себежского и Красногородского уездов – ок. 22, 1%. Доля ливонцев составляет в те же годы в том же повете 11,1%. В воеводстве в целом доля русских среди пожалованных составляет в 1620–1621 гг. ок. 25,8 %, а ливонцев – 10,1 %.

[127] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 96 и 97 (подсчет наш– *С.Д.*).

Еще несколько десятков русских дворян получили пожалования в 20-х гг. XVII в. Но их доля, как и доля ливонцев, проявляет постоянную тенденцию к уменьшению. Наметившееся с самого начала преобладание польско—литовской шляхты среди пожалованных становится все более явным. Хотя некоторые русские дворяне и ливонцы получали пожалования и в 30—40—е гг. XVII в., их доля среди владельцев имений снижается. Это было результатом как увеличения числа шляхтичей, получивших пожалования, так и перераспределения имений в результате их продажи или конфискации. Ливонцы, как и другие лица, владевшие другими имениями в удаленных от Смоленского воеводства районах Речи Посполитой, зачастую продавали пожалованные им земли, а часть русских дворян, как отмечалось, вернулась на царскую службу.

Чтобы выяснить, какие группы господствующего класса Речи Посполитой в конечном итоге воспользовались землями Смоленского воеводства, мы попытались определить национальную и религиозную принадлежность шляхты, в 1650 г. владевшей имениями в Смоленском повете. Разумеется, вопрос о национальной принадлежности шляхты Речи Посполитой можно ставить лишь с существенными оговорками. Как известно, принято считать, что нации складываются при переходе от феодализма капитализму. В исследуемый период на территории Речи Посполитой нации еще не сформировались. Но уже существовала польская, украинская, литовская белорусская, русская народности, развивалось национальное самосознание. В Речи Посполитой XVII в. нарастали национальные противоречия. По мнению современных польских историков, процесс интеграции в Речи Посполитой был характерен, в основном, для шляхты. Одним из его проявлений была полонизация феодалов Украины и ВКЛ. Но, несмотря на полонизацию большей части шляхты ВКЛ в конце XVI – первой половине XVII в., она, как отмечает польский историк Ярема Матишевский, «ощущала и на каждом шагу подчеркивала территориальную обособленность Великого княжества Литовского от

Польши»[128]. Не переоценивая степени этой обособленности, следует отметить, что в XVII в. феодалы ВКЛ, в первую очередь, магнаты ревниво оберегали свои привилегии, руководствуясь, впрочем, не столько национальными, сколько партикуляристскими соображениями. В ряде случаев позиция феодалов ВКЛ резко отличалась от позиции коронной шляхты и ее лидеров. В XVII в. это наиболее отчетливо проявилось в годы «потопа», когда часть магнатства ВКЛ, придерживаясь шведской ориентации, фактически выступила против сохранения унии с Польшей, а значительная часть шляхты во время войны с Россией временно признала ее власть.

Конфликт между Короной и ВКЛ, как отмечалось выше, наметился и в 1611 г. в связи с борьбой между ними за земли, захваченные у России. А.А. Савич справедливо подчеркивает, что шляхта ВКЛ «в лице канцлера Сапеги энергично протестовала против предоставления (на сейме 1611 г.) в Смоленской и Северской области угодий шляхте польской национальности»[129].

В связи е этим мы, прежде всего, попытались выяснить, какую часть феодалов исследуемой территории составляли выходцы из Польши, а какую – шляхта из ВКЛ. С этой целью была проведена систематизация привилеев, относящихся к лицам, упомянутым в книге подымного сбора 1650 г., привлечены другие источники, в частности, польская генеалогическая литература.

Из 560 шляхетских семей, в 1650 г. владевших имениями в Смоленском повете (без старосты рославльского), русскими по происхождению были 45, т.е. около 7,7%. Семьи немецкого происхождения – из Ливонии (25) и из Гданьска (3) – составляли в общей сложности 5%. Кроме того, среди владельцев имений мы встречаем грека (выходца из России), шотландца, венгра, литовского татарина (Якуб Мустафич; в отличие от остальных татар, он получил

[128] Maciszewski J. Społeczeństwo // Polska XVII wieku. Państwo – społeczeństwo – kultura. Warszawa, 1977. S. 132.

[129] Савич А.А. Деулинское перемирие 1618 г. // Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. К. Либкнехта. 1939. Серия ист. Вып. 2. С. 50–51.

индивидуальное пожалование по образцу шляхты). 3 семьи (Вежховские, Домбровские, Рароги) получили шляхетство за военные заслуги по конституции 1638 г. Остальные 482 семьи принадлежали к польской или литовской шляхте. Косвенным указанием на происхождение семьи может служить ее религиозная принадлежность, хотя вероисповедание не всегда соответствовало национальности. Среди шляхты русского происхождения в начале 50-х гг. XVII в. уже встречаются католики, в некоторых других семьях родные братья были разного вероисповедания. В данном случае, впрочем, следует исходить из того, что если один из членов семьи православный или униат, то семья не может быть польской по происхождению. Сравнение списка присягнувших царю в 1655 г. и списка владельцев имений 1650 г. позволило определить вероисповедание 221 семьи, т.е. около 40% феодалов повета. Из них католики – 147 семей, православные или униаты – 63, со смешанным вероисповеданием – 5 семей. Полученные данные позволили продолжить выявление шляхетских семей, происходивших из ВКЛ. По ряду признаков (принадлежность к роду, существовавшему только в ВКЛ, должность в одном из его воеводств, православное вероисповедание) их выявлено в общей сложности 231. Таким образом, общая численность семей, происходивших из ВКЛ, Ливонии или России – 301, т.е. по крайней мере 53,8% всех известных в 1650 г. владельцев имений (на долю выходцев из ВКЛ приходится ок. 41,3%). При этом не учтены семьи, носившие фамилии, распространенные и в Польше, и в ВКЛ (Липские, Мочульские, Пентковские, Савицкие, Тромбецкие и т.п.); их национальная принадлежность не поддается определению, но и среди них, видимо, были выходцы из ВКЛ. Таким образом, собственно польская шляхта среди феодалов Смоленского повета в 1650 г. составляла меньшинство.

Еще более характерны данные о крупных феодалах. Из них русскими по происхождению были три семьи (Мещерины, Потемкины и Солтыковы). Выходцев из Польши также трое (С. Казановский, П. Буяльский, Ян Пасек); четвертым был А. Казановский, но в 1650 г. его имениями владела вдова,

происходившая из литовского рода Слушков. В 1651 г. она получила разрешение на уступку этих имений своему родственнику А. Слушке. Мы не считаем возможным отнести к числу польских феодалов и Циприана Павла Бжостовского, в 1650 г. стольника виленского, позже занимавшего видные должности в администрации ВКЛ. Семья Бжостовских была польского происхождения, но в ВКЛ переселился еще отец Павла Циприана, умерший в Вильно в 1638 г.[130], и Бжостовские постепенно врастали в магнатство ВКЛ. Один из крупных феодалов – А. Вежховский – получил шляхетство только по конституции 1638 г., хотя и владел имениями в воеводстве еще при Сигизмунде III; но его предки принадлежали к польской шляхте[131].

Таким образом, из 30 семей крупных феодалов повета русские составляли 10%, польские – 10%, ливонские (2) ок. 6,67%, одна из семей происходила из Подляшья. Литовских семей выявлено 15 (50%). Русским семьям принадлежало в общей сложности 1133 дыма (22,36%) немецким – 94 дымов (10,30%), польским – 426 дымов. (4,7%), подляшской по происхождению семье Воеводских – 187 дымов (2%), Слушкам-Казановским – 368 дымов (4%), а 14 несомненно литовским семьям – 4987 дымов (54,5% всех дымов, принадлежавших крупным феодалам повета). Т.е. среди крупных феодалов Смоленского повета выходцы из Польши значительно уступали не только своим собратьям из ВКЛ, но даже немецким и русским семьям. С учетом владений А. Казановского и выходцев из Подляшья, доля поляков повышается, но только до 10,7%. Следуег также напомнить, что в руках еще одной литовской семьи –князей Радзивиллов – оказались Невельский, Себежский и Красногородский уезды.

К сожалению, сведения о феодалах Стародубского повета гораздо менее точны. Крупнейшими землевладельцами там были, как отмечалось выше, русские князья Трубецкие (до 1645 г.), литовцы Абрамовичи, Керло и поляки Казановские. В Поповгородском уезде значительные владения

[130] Boniecki A. Herbarz polski. Cz. 1. Wiadomońci historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Warszawa, 1889. T. 2. S. 191.

[131] Volumina legum. T. III. S. 462.

сосредоточились в руках будущего гетмана Стефана Чарнецкого. Он в 1634 г. получил 200 волок от Владислава IV, а затем приобрел земли у других пожалованных: 100 волок у А. Бельского и 300 волок у старосты гнезненского К. Гембицкого, получив в результате 600 волок – столько же, сколько король пожаловал там Казановским. Из 28 шляхтичей, получивших в 1634–1636 гг. пожалования в этом повете, выходцев из Литвы выявлено 5, а из Польши – 6, еще один пожалованный (М. Форбек Леттов) происходил из полонизированной поморской шляхты, а из остальных 16 человек 8, служившие гусарами в хоругви Казановского, видимо, также происходили из коронных земель. Таким образом, доля коронной шляхты среди пожалованных на Стародубщине в 1634–1636 гг. довольно велика, и именно она в первую очередь воспользовалась щедростью Владислава IV, получив в повете обширные имения – по 100 и более волок. Имения, сохранившиеся там после 1634 г. у русских феодалов, судя по конфирмации Владислава IV 14 июля 1634 г. 19–ти русским дворянам Стародубского уезда[132], состояли, как правило, из 1–3 деревень или пустошей; некоторые владели только частью деревни.

Таким образом, в Стародубском повете доля коронной шахты среди крупных землевладельцев была очевидно выше, чем в Смоленском. Тем не менее, из четырех уездов повета один находился в руках русской семьи, один – почти целиком во владении или держании магнатов из ВКЛ Абрамовичей, один – в руках семьи Керло. Национальное и даже сословное происхождение последних спорно. Даджьбог (он же Богдан) Керло, получивший в 1621 г. от Сигизгмунда III Почеповский уезд, был женат на Кристине (?) Волович из магнатского рода ВКЛ, а его сын – на Г. Кишка, дочери витебского воеводы. В связи с тем, что они и их потомки жили в ВКЛ, большинство авторов считает этот род литовским[133]. Но по сообщению современника, автора известной «Книги хамов» Валериана Неканды Трепки, упомянутый выше Б. Керло был гданьским

[132] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 110. Л. 491 об.-492.

[133] Trepka W. N. Liber generationis plebeanorum (“Liber chamorum”). Wrocław, 1963. T. 2 (przypisy). S. 83

купцом, торговавшим в Кракове, и незаконно присвоил шляхетские права[134]. Сведения Трепки часто недостоверны, но не исключено, что Керло действительно происходил из купечества, возможно – патрициата, и мы имеем дело с мещанской семьей, проникшей в ряды шляхты и даже магнатства. Давно известно, что шляхта постоянно пополнялась выходцами из других сословий, чаще всего просто присваивавшими шляхетские гербы и фамилии. В Литовской метрике записано несколько привилеев на имения в Смоленском воеводстве шляхтичам, заявившим о нешляхетском происхождении лиц, ранее пожалованных королем. Так, в 1635 г. Ян Каменский получил привилей на имущество трех братьев Кухтенко, по его словам, его беглых крестьян, которые, выдавая себя за шляхтичей Гомолинских, получили ленные имения[135]. Но нешляхетское происхождение требовалось доказать в суде, и некоторые лица, несмотря на выдвинутые в их адрес обвинения, как следует из книги подымного 1650 г., продолжали владеть своими имениями. Поскольку к моменту получения пожалований Керло породнились с магнатством ВКЛ, им разоблачение уже не угрожало. Возможно, поддержкой новых родственников и объясняется их карьера.

Таким образом, хотя среди крупнейшх феодалов Стародубского повета роль выходцев из Короны была несколько выше, очевидно и там руководящая роль принадлежала магнатам ВКЛ.

Польских шляхтичей и даже русских дворян мы встречаем среди земских чиновников воеводства, маршалков, подкомориев, судей и т.п. Но староства на территории воеводства неизменно получали выходцы из ВКЛ. Старостами Стародубскими, например, поочередно были Я. Друцкий-Соколинский, Я. Трызна, М. Абрамович и его сын С. Абрамович. Должность смоленского воеводы занимали М. Глебович, А. Сапега, Александр и Кшиштоф Корвин–Гонсевские, Ежи Кароль Глебович и Филипп Обухович. Таким образом, феодалы ВКЛ практически монополизировали в воеводстве должности, связанные с получением доходов с королевских владений – староств, держав, Смоленской экономии.

[134] Ibidem. T. 1. S. 237-238.

[135] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 108. ЛЛ. 386-389.

Все это закономерно. Воеводство входило в состав ВКЛ, и вполне естественно, что именно феодалы ВКЛ могли претендовать на ключевые позиции в его административном аппарате и, следовательно, – на часть доходов с государственных имений. При раздаче земель король (что особенно заметно на примере Владислава IV) испытывал давление со стороны разных групп господствующего класса. При этом у магнатства ВКЛ было, видимо больше возможностей претендовать на земли Смоленского воеводства, а кроме того, по справедливому наблюдению А.А. Савича, они, судя но всему, были в большей степени, чем их коронные собратья, заинтересованы в землях на исследуемой территории. Для них русские земли были традиционным объектом экспансии, в соседних воеводствах находились их имения, что облегчало организацию хозяйства, привлечение рабочих рук. В условиях, когда организация хозяйства из–за отсутствия крестьян и запустения земель требовала значительных усилий, было необходимо личное присутствие феодала или его представителя в этом имении. Для магната, видимо, не составляло особого труда найти управителя, способного не только следить за исполнением крестьянами повинностей, но и обеспечить военную службу с имения. В 1654 г. в списке смоленской шляхты, оборонявшей город, значатся уполномоченные многих крупных феодалов. Для среднего шляхтича это было значительно труднее, а для мелкого – практически исключено (доход с имения в этом случае был бы ничтожен). Поэтому в сохранении за собой пожалований были заинтересованы, в первую очередь, лица, получившие крупные имения, и шляхта, не имевшая значительных владений в других воеводствах Речи Посполитой. Коронным феодалам было трудно управлять имениями на отдаленной восточной окраине Речи Посполитой. Именно поэтому многие из них предпочли продать пожалованные там земли, что позволяло использовать вырученную сумму для приобретения имений в Польше или на Украине.

Состав феодалов воеводства показывает, какие группы господствующего класса Речи Посполитой в конечном итоге воспользовались захваченными русскими землями. Среди

шляхты, участвовавшей в интервенции против России в начале XVII в. и в Смоленской войне 1632—1634 гг., были выходцы и из Короны, и из ВКЛ; и те, и другие получали земли на Смоленщине и Стародубщине. Но в конечном итоге в новом воеводстве, вошедшем в состав ВКЛ, возобладала литовская шляхта, и магнаты ВКЛ постепенно вытесняли из воеводства своих коронных собратьев. Земли воеводства позволили приобрести небольшие имения довольно незначительному числу загродовой и безземельной шляхты Короны и ВКЛ. При этом некоторой части мелкой шляхты удалось выбиться в ряды средних феодалов. Крупные имения на территории воеводства оказались в руках нескольких выходцев из средней шляхты и округлили владения некоторых магнатских семей, в основном из ВКЛ. Огромные владения приобрела католическая церковь. Королевские имения на территории воеводства первоначально были обширными и приносили казне доход, но с середины 30-х гг. XVII в. в результате раздач резко уменьшились, а поступавшая с них рента была недостаточна даже для содержания гарнизонов в замках воеводства. Расходы на оборону должны были поглощать значительную часть налоговых поступлений с этой территории.

Следует сказать, что проведенное разделение феодалов воеводства в зависимости от их происхождения в условиях полонизации шляхты ВКЛ носит несколько условный характер. Отмечая элементы соперничества между литовскими и коронными феодалами за земли на исследуемой территории, нужно сказать, что источники умалчивают о наличии среди феодалов воеводства собственно национальных конфликтов. С другой стороны, в Речи Посполитой в исследуемый период национальный конфликт зачастую выступал в религиозной форме, хотя религиозная борьба была проявлением не только национальных, но экономических и идеологических противоречий.

Около 1641—1642 гг. смоленский воевода назначил городским судьей протестанта Я. Паплонского. Часть шляхты и католическое духовенство составили формальный протест против этого назначения, переданный депутатам на

сейм 1641 г.[136] В декларации 8 октября 1641 г. Владислав IV разъяснил, что привилеи, изданные им, а ранее Сигизмундом III, запрещают создание в Смоленске православных церквей и протестантских сборов, но все шляхтичи пользуются свободой вероисповедания и, независимо от него, имеют право занимать любые должности. Под влиянием короля и его приказа смоленский епископ Петр Парчевский и смоленские послы (депутаты) сейма официально объявили протест недействительным[137].

Тем не менее, позиция, занятая королем, означала отход от политики религиозной терпимости и противоречила разрешению на устройство в Смоленске православной церкви, выданному 10 мая 1634 г.[138] Впрочем, эта церковь уже 4 января 1636 г. была сожжена по решению католической шляхты, о чем с похвалой упоминают записи смоленских иезуитов[139]; видимо, разгром церкви был инспирирован ими. Интересно отметить, что на территории воеводства действовало православное духовенство не из России, а из ВКЛ. В Смоленск для восстановления православного богослужения пытался приехать Ф. Косов, но воевода запретил ему въезд в город[140]. Некоторые русские феодалы воеводства, например, Солтыковы, обращались к королю с протестами в связи с преследованием православия[141], и, разумеется, такие акты, как сожжение церкви, должны были вызывать у них возмущение. Но, по нашему убеждению, не следует абсолютизировать религиозные различия среди феодалов воеводства. Православная шляхта имелась и в ВКЛ. Как и для нее, для русской шляхты воеводства отмеченные религиозные конфликты уже имели внутригосударственный характер. Их решение они видели не в помощи России, а в получении поддержки королевской власти.

[136] РГАДА. Ф. 389. Ед. хр. 118. Л. 123-123 об.

[137] Там же. Ед. хр. 117. Л. 22-123 об.

[138] Там же. Ед. хр. 110. Л. 382-383.

[139] Лавровский Л. Я. Погодные записки Смоленских иезуитов // Смоленская старина. Смоленск, 1916. Вып. III. Ч. II.

[140] Лавровский Л. Я. ...С 32-33.

[141] Писарев С.П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Историко-археологическое исследование в связи с историей Смоленска. Смоленск, 1894. С. 202.

Во время Смоленской войны, как отмечалось, многие русский дворяне перешли на сторону России. Но уже в правление Сигизмунда III происходило сближение части феодалов русского происхождения со шляхтой ВКЛ. Уже в 20–40–е гг. XVII в. можно отметить ряд смешанных браков: П.М. Солтыкова с А. Подберезской[142], Я.Ю. Потемкина с Е. Реут[143], С.Т. Микулина с Юстиной Котел[144] и т.д.

Некоторые феодалы русского происхождения, сохранившие или получившие крупные имения, занимают должности в административном аппарате. Князь Петр Юрьевич Трубецкой стал стародубским подкоморием[145], И.М. Солтыков и Я. Мещерин получают звания чесников Стародубского и Смоленского[146]. Д. Мещерин в 1648 г. представлял воеводство на сейме[147]. Зафиксированы и случаи пожалования русским феодалам имений на территории других воеводств ВКЛ. Солтыковы, например, в 1654 г. владели имениями в Оршанском и Могилевском поветах[148]. Таким образом, происходило сращивание феодалов русского происхождения с остальными феодалами ВКЛ, объяснявшееся общностью их классовых и сословных интересов. В 30-40-е гг. XVII в. среди русских феодалов воеводства делает успехи униатство, а некоторые из них принимают католичество, и в 1655 г, названы среди католической шляхты (Г. Лыкошин, Ю. и А. Бердяевы, П.С. Корсаков[149] и др). Ветви некоторых русских семей, после 1654 г. оставшихся в ВКЛ, в XVIII в. были уже католическими. Примером может служить семья Солтыковых, в ВКЛ ставших Солтыками. Из нее происходил известный польский политический деятель XVIII в. епископ Каетан Солтык[150]. В Литовской метрике зарегистрировано несколько попыток шляхты

[142] РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Кн. 1. Л. 34.
[143] Там же. Ф. 389. Ед. хр. 127. Л. 107.
[144] Там же. Л. 137-137 об.
[145] Там же. Ед. хр. 108. Л. 637-637 об.
[146] Там же. Ф. 145. Оп. 1. Кн. 1. Л. 8 об.
[147] Volumina legum. T. IV. S. 106.
[148] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1899. Т. XIV. С. 339–342, 401–402, 665–666.
[149] РГАДА. Ф. 137.Галич. Ед. хр. 16. Л. 36-36 об., 38 и др.
[150] Долгорукой Ф., кн. Родословный сборник. СПб., 1913. Вып. 1. С. 42.

добиться конфискации в свою пользу имений отдельных мелких русских феодалов на том основании, что они не являются шляхтичами Речи Посполитой, но все они остались без последствий. Несмотря на отсутствие сеймового постановления о шляхетстве русских дворян–изменников, они влились в состав шляхетского сословия Речи Посполитой. Вторичное поступление на русскую службу части русской шляхты после сдачи Смоленска в 1654 г., как и присоединение отдельных русских феодалов Стародубского повета к восставшим казакам (Борознины, упоминавшиеся выше, получили гетманский универсал на имения в Стародубском полку)[151], объяснялись теми же причинами, что и аналогичная позиция остальной смоленской шляхты и вообще феодалов восточных воеводств ВКЛ – стрмлением сохранить свои имения. Выступление части шляхты за сдачу Смоленска возглавили не руссие феодалы, а шляхтичи–католики из ВКЛ С. Друцкий–Соколинский, Альбрихт Голимонт и др.[152] Католики вообще преобладали среди шляхты, присягнувшей в 1655 г. в Смоленске царю Алексею Михайловичу. Часть русской шляхты (Солтыковы, Мещерины и некоторое другие) и после этого предпочла отъехать в Речь Посполитую.

Смоленские и стародубские «экзулянты» («изгнанники») по решению сейма были освобождены от ленной зависимости за имения на территории воеводства (что не имело никакого практического значения) и сохранили органы шляхетского самоуправления – сеймы, земские суды, а во второй половине XVIII в. получили в компенсацию давно потерянных имений другие земельные пожалования[153], в основном, в Олитской экономии (Трокское воеводство). Являясь полным анахронизмом, формально в Речи Посполитой Смоленское воеводство продолжало существовать до 1793 г. и даже посылало депутатов в сейм[154].

Шляхта, оставшаяся на исследуемой территории и поступившая на царскую службу, была утверждена в вотчинном

[151] Лазаревский А. Указ. соч. С. 434 и др.

[152] Собрание государственных и частных актов.. Ч. 1. С. 102, 108-109.

[153] Godziszewski W. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego (wytyczona w latach 1634–1648). Kraków, 1934. S. 7-9.

[154] Wolff J. Senatorowie i dygmitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–

владении землями, полученными по королевским привилеям[155]. Пра этом русское правительство не делало различий между потомками русских дворян и собственно шляхтой, что подтверждает наш вывод о значительной интеграции феодалов воеводства к концу исследуемого периода. Таким образом, на Смоленщине структура земельной собственности, возникшая в этот период, после 1654 г. не подверглась коренной ломке. На территории Стародубского повета шляхетское феодальное землевладение было в основном уничтожено в ходе антифеодальных выступлений конца 40-х – начала 50-х гг. XVII в., и место шляхты заняли преимущественно выходцы из казачьей старшины.

1795. Kraków, 1885. S. 49. Следует добавить, что списки всех должностных лиц Смоленского воеводства с XIV до XVIII в. были недавно подготовлены и опубликованы в Польше (Г. Люлевичем, А Рахубой и П. Р. Романюком) в рамках серии «Urzędnicy i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego» (T. IV. Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2003). Смоленский и Стародубский поветы были упразднены на Гродненском сейме 1793 г.; взамен на территории Литвы были учреждены соответственно Мерецкий и Пренский поветы, просуществовавшие только до 1795 г., т.е. до последнего раздела Речи Посполитой. Последним смоленским воеводой (титулом воеводы мерецкого он никогда не пользовался) был Францишек Ксаверий Сапега [Ibidem. S. 27].

[155] Мурзакевич Н.А. Указ. соч. Кн. V. С. 34-35.